

УДК 821.161.1

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-43-48

ИДЕЯ ДУХОВНОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГЕРОЯ В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© *Берёзкина Елена Петровна*

кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: beryozkina-lena@yandex.ru

В статье речь идет о духовной сущности русской классической литературы, о влиянии православных идей на основы русского миропонимания и творчество писателей-классиков. Система ценностных установок в произведениях А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова основана на православном воззрении на человека. Их герои через страдание, раскаяние, любовь ищут путь спасения собственной души. Таков роман Достоевского «Преступление и наказание». Таков рассказ Чехова «Студент», в основе которого лежит библейский мотив о предательстве Петром Иисуса Христа, раскаянии и спасении. Как ученик Христа, постигая божественную мудрость притчи, Иван Великопольский обретает душевный покой и видит спасительный свет впереди.

Ключевые слова: духовная сущность; ценностный мир; раскаяние; страдание; спасение; библейский мотив.

Русская классическая литература стала самым значительным явлением в мировом литературном процессе, благодаря своей духовной сущности. Для ее определения зачастую прибегали к сравнению жизненного пути героев западноевропейской и русской литератур. Например, А. И. Солженицын писал: «Самые излюбленные герои западных писателей всегда добиваются карьеры, славы, денег. А русского героя не корми, не пои - он ищет справедливости и добра» [6, с. 329].

Ценностный мир русской классической литературы основан на таких концептах, как честь, совесть, справедливость, доброта, милосердие, а значит, на православной истине. И. С. Шмелев по этому поводу рассуждал: «Наша литература ... исключительно глубока, «строга», как, быть может, ни одна из литератур в мире, и целомудренна. Она как бы спаивает-вяжет Землю с Небом. В ней почти всегда — «вопросы», стремления «раскрыть тайну», попытки найти разгадку мировых загадок, поставленных человечеству Неведомым: о Боге, о Бытии, о смысле жизни, о правде и кривде, о Зле-Грехе, о том, что будет там... и есть ли это там?... <...> Русская литература - не любование «красотой», не развлечение, не услужение забаве, а именно *служение*, как бы религиозное служение» [8, с. 548].

Христианское учение оказало существенное значение на отношение человека к своему внутреннему миру, на духовные основы, повлиявшие на русское мировоззрение и бытие. Герои А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова искали путь к своему внутреннему перерождению, духовному преображению как единственному возможному спасению. Система ценностных установок в произведениях этих писателей основана на православном воззрении на человека, на его внутренний мир, важнейшим критерием оценки которого становится смирение. Н. В. Гоголь считал, что литература была «незримой ступенью» ко Христу, поэтому она смогла отразить мучительное испытание верой, через которое проходила и жизни народа, и отдельного человека [4].

Русские писатели сознавали свое творчество как пророческое служение. Н. А. Бердяев написал об этом так: «В русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира. <...> Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества, мира. В самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью. <...> Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской, даже тогда, когда в сознании своем русские писатели отступали от христианской веры» [1, с. 36].

Русская литература сумела увидеть и раскрыть смятенность души, внутренние переживания, терзания совести. Она создала такого героя, которому не важны земные ценности, он вписан в высшие, сакральные смыслы, нашедшие воплощение в Нагорной проповеди: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут...» (Мф. 6, 19–20). В этих словах из Библии прописана суть смысла земного существования — стремление к небесным сокровищам, поэтому так часто герой русской классической литературы страдает, обладая многими материальными благами, не чувствует внутреннего удовлетворения.

Русская литература установила высокий духовный критерий, заключающийся не в обладании земными сокровищами, а в стремлении к небесным высотам, и в каждом образе попыталась запечатлеть образ Божий, изобразить духовное начало. Так, тип «лишнего человека» в русской литературе XIX в. (Онегин, Печорин, Бельтов, Обломов) выведен лишенным возможности удовлетворить свои духовные потребности. При отсутствии духовных сокровищ, нарушении гармонии таким героем овладели разочарование, пустота, тоска, и в итоге в нем отразился трагический дух эпохи. Тип «нового человека» (Базаров) отвергает духовные ценности в угоду материальных, научных истин, и вновь его постигает разочарование, безверие, уныние, бессмысленность бытия и смерть. Фактически можно видеть путь превращения «нового человека» в «лишнего».

В произведениях Л. Н. Толстого представлено два типа героев: тип статичного, неразвивающегося героя, который вписан в материальный мир, самодоволен, ограничен, бездуховен, нравственно мертв. Красота же личности неотделима у писателя от способности другого типа героя духовно расти и совершенствоваться. Некая завершённая форма в первом случае становится показателем исчерпанности жизненных сил, а формирующееся состояние героя во втором, знаменитая «диалектика души» — показателем духовного роста, устремленностью к небесному постижению истины.

Своеобразие русской литературы заключается, по мнению И. Ильина, в ее направленности на «искания всечеловеческого спасения», мысль, которая также корнями уходит в православную культуру, поднимающую тему спасения души. «Страдания художника — это не есть страдания только за себя — это страдания за других, за всех и для всех» [4, с. 247]. Образ «кающегося» дворянина станет в XIX веке своеобразным символом эпохи, и такой герой найдет свое место в народнической литературе: в произведениях П. В. Засодимского, С. М. Степняка-Кравчинского, в женской прозе 1870-х гг.: Н. А. Арнольди, С. В. Ковалевской, С. И. Смирновой, Н. Д. Хвошинской, О. А. Шапир.

О духовном воскресении «преступившего» христианские заповеди человека написан роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Подобно библейскому Лазарю, герой романа — Родион Раскольников «воскресает» к «новой жизни». Этот процесс духовного преображения происходит под влиянием Сони Мармеладовой, которая читает Родиону притчу о воскресении Лазаря. В. Г. Одинокоев считает этот эпизод религиозно-философским центром романа, поскольку он связывает судьбы двух героев — «новых» Лазаря и Марии Магdalены в единую канву сложного духовного процесса, подчеркивающего возможность будущего спасения героя: «Доведя повествование до высшей точки идейно-эмоционального напряжения, Достоевский не повертывает в русло легкого решения проблемы духовного спасения героя. Читатель наблюдает медленный и мучительный процесс нравственной развязки» [5, с. 113, 114]. Этот процесс представлен в романе писателя как сложный путь героя, пришедшего к идее необходимости открытия Божественной правды.

Основной аксиологической доминантой творчества А. П. Чехова, восходящей к народным представлениям о Божьей правде и Божьей справедливости, является правда-справедливость. Если Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой не могли утверждать, что никто не знает настоящей правды, то Чехов на эту мысль обратил особое внимание. Смысл человеческому существованию, по мнению писателя, придает поиск настоящей цели жизни, которая невозможна без внутреннего движения к добру, справедливости, милосердию. Христианская картина мира представлена в его произведениях в образах «праведников» и «грешников», в мотиве аскетизма. Автор обращается к такой стороне учения Христа из Евангелия, которая позволяет создавать более гармоничные отношения между людьми, искать сокровенный смысл жизни. Герои его повестей и романов, проходя нравственные испытания, задаются этим сокровенным вопросом.

Чехов, вспоминая о своем «мрачном» детстве, констатировал: «...религии у меня теперь нет» [2, с. 153]. Но практика церковного хора, знание религиозных обрядов, последовательности церковных действий позволили писателю показать в рассказах «Архиерей», «Святой ночью», «Студент», «В овраге» души верующих людей, воссоздать библейские сюжеты и элементы церковного быта.

В рассказе «Студент» (1894) отражена идея духовного преображения героя — студента духовной академии Ивана Великопольского. В работах В. Б. Катаева, А. Г. Головачевой, Н. А. Дмитриевой, А. С. Собенникова проводится мысль об отражении в рассказе идеала, представленного триадой правды, добра и красоты [2]. В самом начале рассказа герой представлен как носитель «уединенного» типа сознания, выразитель пессимистической концепции истории. В Страстную пятницу на охоте его посещает глубокое разочарование в Божественном порядке мироздания: «Все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше» [7, с. 306]. Встреча с крестьянками — вдовой Василисой и ее дочерью Лукерьей, их неожиданная реакция («Василиса заплакала, а ее дочь смутилась») на его рассказ об отречении апостола Петра, мучительно переживающего свое предательство, — все это приведет к духовному прозрению героя: «И радость вдруг заволновалась в его душе, и он остановился на минуту, чтобы перевести дух» [7, с. 306]. В финале рассказа описание пространства символически передает преображение пути героя, его переправы на другой берег и восхождения к смыслу обновленной жизни: «А когда он переправлялся на пароме через реку (сюжетный мотив переправы) и потом, поднимаясь на гору (мотив духовного восхождения и преодоления искушения), глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою полосой светилась холодная багровая заря (символ обновленной жизни), то герой думал о том, что красота и правда, направляющие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, непрерывно продолжались до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле...» [7, с. 306].

В основании рассказа Чехова находится не происшествие или поступок, а изображение изменения с душе и сознании Ивана Великопольского, переход от сомнения и пустоты одиночества к вере в победу любви и теплоту человеческих сердец. Автора не случайно привлекла человеческая слабость апостола Петра. Именно этот образ оказывается близок пониманию обычных людей и ищущих истину, беспокойных безумцев.

Рассказ неслучайно называется «Студент», т. е. ученик. Апостолы в их числе и Петр были учениками Христа. Иван Великопольский — студент духовной семинарии, значит, тоже Его ученик, который разуверился в Божественной сущности мира, впал в уныние, сосредоточившись на сиюминутном, забыл о главном. Вербализуя притчу о предательстве Петром Иисуса Христа в слове, он сам глубже проникает в ее смысл, в необходимость раскаяния, ведущего к спасению. Прошлое, настоящее и будущее соединены незримой нитью Божественного Слова, именно поэтому то, «что происхо-

дило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему — к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям» [7, с. 306].

Ценностная картина мира, авторская теология заключены в том духовно-нравственном идеале, который стал понятен герою рассказа в финале: ему открывается душевная красота женщин, их способность на милосердие, что пробуждает в нем умиление и новое восприятие жизни, как «полной высокого смысла». На Страстной неделе перед празднованием Пасхи — Воскресения Христа герой осознает и собственное воскрешение от греховных мыслей, понимает, что в жизни отдельного человека или целого народа нет ничего случайного или бессмысленного, что в каждом действии есть высшее Провидение. Герой Чехова радуется тому, что каждый человек может сам изменить свою судьбу, стоит лишь задуматься и понять божественную истину.

Сам мотив отречения Петра и страстей Христовых найдет отражение в повести Чехова «В овраге» (1890), а также в произведениях В. Ф. Ходасевича «У костра» (перевод стихотворения В.-А. Коскенниеме, 1916), И. А. Бунина «Ночь отречения» (1921). Пример обращения к этому мотиву можно найти в произведении Ю. В. Буйды «Школа русского рассказа» (2000), что указывает на его продуктивность и периодичность появления в литературе. В использовании сюжета отречения и раскаяния, связывающего указанные произведения с Великой книгой, можно увидеть отражение одного из способов осмысления русской литературой роли и места человека в мире.

Таким образом, библейские сюжеты, использованные в произведениях русской литературы, раскрывают ее ценностный мир. Вписанные в православный контекст мировосприятия, они отразили метания, отторжения от веры героев, но всегда оставляли в их душах спасительную надежду на сохранение совести, справедливости, доброты и милосердия.

Литература

1. Бердяев Н. А. Типы религиозной мысли в России. // Собр. соч. Париж: YMCA-Press, 1989. Т. 3.
2. Головачева А. Б. «Студент»: первый крымский рассказ Чехова // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 276–296; Дмитриева Н. А. Послание Чехова. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 368 с.; Катаев В. Б. Проза Чехова. Проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 326 с.; Собенников А. С. «Между «Есть Бог» и «Нет Бога»...». (О религиозно-философских традициях в творчестве Чехова). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 222 с.
3. Громов М. П. Книга о Чехове. М.: Современник, 1989. 384 с.
4. Дунаев М. М. Вера в горниле Сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. Престиж, 2003. 1056 с.
5. Ильин И. А. Одинокий художник. М., 1993. 348 с.
6. Одинокое В. Г. Религиозно-этические проблемы в творчестве Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого // Русская литература и религия. Новосибирск, 1997.
7. Солженицын А. Малое собр. соч. М., 1991. Т. 1.
8. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1986. Т. 7.
9. Шмелев И. С. Собр. соч. М., 1999. Т. 7.

SPIRITUAL TRANSFORMATION OF HERO
IN RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE

Elena P. Beryozkina
Cand. Sci. (Phil.), A/Prof.,
Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews spiritual essence of Russian classical literature, influence of Orthodox ideas on the foundations of Russian worldview and the work of classic writers. The system of values in the works by Alexander Pushkin, Nikolay Gogol, Fyodor Dostoevsky, Nikolay Leskov, Lev Tolstoy, Anton Chekhov is based on the Orthodox view of man. Their heroes, through suffering, repentance, love, are looking for a way to save their own soul. Such is Dostoevsky's novel «Crime and Punishment». Such is Chekhov's «Student» story which is based on a biblical motive about Peter's treachery of Jesus Christ, repentance and salvation. As a disciple of Christ, comprehending the divine wisdom of the parable, Ivan the Great finds peace of mind and sees the saving light ahead.

Keywords: spiritual essence, value world, repentance, suffering, rescue, biblical motive.